

История Артура Декена

18+

Андрей Саркисов

Андрей Саркисов

История Артура Декена

<https://litres.ru/74004473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мастер по дереву, тихая жизнь, второе «я» внутри головы, привычный круг друзей. Майская выставка. Женщина, со странной фамилией. Девять месяцев, после которых всё уже не так. И путь, который займёт восемь лет и сорок стран, чтобы вернуться туда, откуда начался.

Тихая, серьёзная проза о связи, которая не отпускает, и о смирении, которое не равно поражению. Для тех, кто читает медленно.

Иллюстрации созданы нейросетью по запросам автора.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Винзавод	7
Глава 2. Часть 1. Утро	17
Глава 2. Часть 2. Кресло	24
Глава 3. Часть 1. Концерт	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Саркисов

История Артура Декена

Пролог

Бар. Поздний вечер.

Человек сидит за стойкой спиной к залу. В зеркале за рядами бутылок он отражается, и всё остальное тоже отражается, но он в зеркало не смотрит. Смотрит в стакан.

На стойке рядом с виски лежит что-то прямоугольное, завёрнутое в тёмную ткань. Не большое. С книгу размером, только тоньше.

Бармен — невысокий парень с лицом, которое успело выучить несколько важных правил, время от времени косится на свёрток. Потом на человека. Потом снова на свёрток. Не спрашивает. Видно, что не первый раз. Видно, что за этим молчанием своя договорённость, негласная и давняя.

В зале несколько столиков, негромкий разговор в углу, что-то джазовое из колонок, едва слышное. Вечер буднего дня. Никто никуда не спешит. Или спешат, но не отсюда.

Я расскажу вам историю.

Не потому что вы просили. Просто вы здесь, а история требует слушателя. Пейте медленно, она длинная. Она начинается в сентябре, на выставке, которую давно никто не помнит, с женщины по имени Ева и заканчивается... Впрочем, вы сами решите, чем она заканчивается. Финалы — вещь личная.

Итак...

Глава 1. Винзавод

На город опускался ещё тёплый сентябрьский вечер.

Улицы оделись в своё ночное. Неоновые витрины, фонтаны, отражения в мокром после дневного дождя асфальте. Днём этот город был муравейником: все куда-то, все за чем-то, у всех лица, опаздывающих на встречу, которой они боятся. Ночью всё менялось. Люди всё равно куда-то шли, но уже не так яростно. С другой целью. Те, кому выпало работать, бармены, официанты, ведущие, девушки в заведениях с красными абажурами, что помогали остальным отдыхать. Это была честная сделка. Может быть, единственная честная сделка, которую этот город предлагал своим жителям.

Артуру Декену в этот вечер выпало идти на выставку современных художников.

Когда-то он и сам увлекался живописью. Правда, это было много лет назад. Слишком много, чтобы показаться правдой.

Охранник на входе в один из залов Винзавода был молодой, аккуратный, с осанкой человека, который выбрал эту работу осознанно, а не от безысходности. Редкость. Приятная.

— Добрый вечер.

— Добрый. Выставка закрытая и я должен назвать имя?

— Да. Если вы в списке, пропущу с удовольствием.

Декен оценил формулировку. «С удовольствием». Не, «тогда пропущу», не «тогда можете войти». Маленькая деталь. Человек либо так воспитан, либо сам придумал. В любом случае приятно.

— Декен. Артур Декен.

— Редкая фамилия. — Охранник пробежал взглядом по списку, нашёл, слегка удивился. — В списке есть. Вы иностранец?

— Швед. Но в этих местах уже давно.

— Видимо, очень давно — акцента совсем не чувствуется.

— Да, — согласился Декен. — Очень.

Охранник улыбнулся и открыл дверь.

— Хорошего вечера.

— Благодарю. — Артур вошёл.

Он ответил охраннику спокойно, ровно, как отвечают на вопрос о погоде. Очень давно. Охранник услышал: несколько лет. Большинство людей слышало бы то же самое. И Декен давно привык к этому зазору, между тем, что он говорит, и тем, что слышат.

Внутри было, как всегда бывает на таких мероприятиях. На высоте. Дорогие напитки, современная лёгкая музыка на грани слышимости, девушки модельной внешности в вечерних платьях под руку с мужчинами, у которых размер кошелька читался на лице так же отчётливо, как луна в безоблачную ночь читается в луже сточных вод. Костюмы по цене швейцарских часов на тех же запястьях говорили о высо-

ких доходах и высоких постах. Всё это выглядело немного комично на фоне полуразрушенных кирпичных стен старого завода, но именно этот контраст устроители, по всей видимости, и считали главным художественным высказыванием вечера.

Картины на стенах висели в полном беспорядке.

Это могло означать либо бездарность организаторов, либо их болезненную гениальность. Первое было вероятнее. Но второе польстило бы им больше, а в современности, чем ты бредовее, тем лучше устраиваешься. Все вокруг решат, что ты просто стильный.

Декен взял у официанта с подноса стакан виски. Машинально, вкус он узнает сам, этикетка тут ни при чём. Да и не могло быть тут ничего дешёвого. Пошёл вдоль картин.

Стиль давно перестал для него что-то значить. Стиль — это попытка выделить одних на фоне других, кто не может себе позволить купить стильную одежду. Было бы честнее носить на груди справку о доходах с шестизначными цифрами. Но кому-то показалось проще выражать это в шмотках и машинах, и в целом такое выражение всех устраивало. Одни получали точную идентификацию размера понтов и кошелька. Другие получали деньги, продавая первым эти самые понты. Неплохая экономическая модель, если не задумываться о её содержании.

Декен улыбнулся чему-то своему.

Мужчина рядом, в костюме цвета мокрого асфальта, с

лицом человека, привыкшего решать вопросы принял его улыбку за приветствие и кивнул с достоинством. Артур кивнул в ответ. Оба были довольны.

Современные художники оказались, как всегда, интересными людьми. Они писали полотна с той же искренней дилетантской уверенностью, с какой авторы бестселлерной макулатуры пишут романы. Конечно, современники Дега или Дали думали примерно то же самое про своих коллег. Это утешало, но не слишком. Потому что в картинах прошлого было что-то, чего здесь не было. Что-то живое. Труднее всего формулировать именно то, чего нет, но отсутствие чего-то важного чувствуется физически.

Декен остановился перед очередным полотном.

Тело остановилось само, пока мысли ещё блуждали где-то в восемнадцатом веке в тех залах, которые он знал по репродукциям и по памяти о репродукциях, по тому особому чувству, когда смотришь на чужую работу и понимаешь: этот человек не мог не сделать именно так. Не потому что правила. Потому что иначе было бы неправдой.

— Вам нравятся работы Марина?

Женский голос. Справа.

— Чьи?

— Александра Марина. — Пауза, потом теньше: — Это его картина. Вы смотрите на неё уже минут десять.

Он обернулся.

На вид ей было лет двадцать пять, но учитывая дорогой

макияж и то, как уверенно она держала бокал, скорее двадцать два, двадцать три. Тёмно-синее вечернее платье с глубоким вырезом открывало красивые плечи. Коротко стриженные волосы. Серые глаза, внимательные, немного насмешливые, с той лёгкой иронией внутри, которая появляется у людей, привыкших смотреть на мир чуть сбоку. Бокал она держала уверенно. Как человек, привыкший держать уверенно что угодно. Декен задержал взгляд дольше обычного.

— Вы об этой картине?

— Да. Минут десять уже.

— Это полная фигня, а не произведение искусства. — Артур произнёс это спокойно, почти дружелюбно, коря себя за то, что решил думать о высоком именно здесь.

На картине был изображён бомж с огромной сумкой у мусорного контейнера. Чуть поодаль машина милицейского наряда, два силуэта в форме идут к герою картины. Название «Облом» расставляло точки над всем, что могло бы ещё остаться двусмысленным.

Артур бросил на картину последний взгляд и пошёл дальше. Девушка, явно шокированная его откровенностью, последовала за ним.

— А почему не нравится? По-моему, это весьма актуальный сюжет.

— Вот именно потому, что актуальный. — Декен сделал глоток виски. — Я люблю сюрреализм. Там нет понятия актуальности. Для чего вообще человек создаёт картины, му-

зыку, стихи?

— Чтобы стать известным. Чтобы его работы где-нибудь висели.

— Вот именно — не «где-нибудь», а в галереях и музеях. Люди всё это создают, чтобы стать бессмертными. Чтобы потомки помнили их имена. Ну и потому что не могут не создавать. Но откуда этому Александру М. знать, чьи именно картины будут висеть в музеях лет через сто пятьдесят? Таких актуальных в художественных вузах пруд пруди. Другое дело — создать что-то вечное. А вечное можно создать лишь тогда, когда переживаешь сильнейшие эмоции. Когда пропускаешь через себя то, что нельзя просто сфотографировать. — Он кивнул в сторону «Облома». — А это фотография. Хорошая, может быть. Но фотография.

Девушка молчала секунду.

— Вы критик?

— Я вечный дурак. — Артур остановился и протянул руку. — Декен. Артур Декен.

— Ева. — Она протянула свою.

Он взял её ладонь, чуть повернул тыльной стороной вверх и едва коснулся губами. Не поцелуй. Лёгкое касание. Ева не нашлась с ответом.

— А какие картины вам здесь нравятся?

— Пока что ни одной. Если вы так хорошо знакомы с творчеством здешних художников может, проведёте экскурсию?

Она посмотрела на него оценивающе, без кокетства, именно оценивающе, и взяла его под руку.

— С удовольствием.

Они пошли.

Экскурсия заняла около часа. Нарисованные консервные банки, кирпичи, геометрические фигуры, в которых зрителю предлагалось самостоятельно найти смысл, и можно было найти, если очень постараться, если действительно захотеть. Ева рассказывала про каждую работу спокойно и с явным знанием предмета. Декен слушал. Впечатление о современном искусстве не то чтобы не улучшилось, скорее углубилось. Именно вниз, пока без дна.

Зато девушка была неожиданно интересной. Это он признал про себя без лишних формальностей.

— Артур, а чем вы занимаетесь?

— О, это долгая история. Всем понемногу. — Он покоился на неё. — Давай на «ты», раз уж прошли вместе всю эту галерею страдания.

— Хорошо. А ты?

— Я же сказал — всем понемногу. — Пауза. — Ты?

— Я проститутка.

Декен не изменился в лице. Ни удивления, ни неловкости, ничего. Просто принял информацию.

— «Ева» — псевдоним?

— Нет. Имя.

— Смело.

— Это тоже очень длинная история.

— Я не о том, чем ты зарабатываешь на жизнь. — Артур посмотрел на неё. — А о том, как легко об этом говоришь.

— В этой профессии нет ничего постыдного. Во всяком случае, угрызений совести я не чувствую. Тем более что я не стою на панели. Я спутница на банкетах и вечеринках. Выражаясь старым термином: «куртизанка», современным: «эскортница».

— А я всё думал, что такая умная девушка забыла на такой никчёмной тусовке.

Ева слегка улыбнулась.

— Искусство меня тоже интересует. Но сегодня я здесь как бы на работе. — Она показала взглядом в дальний угол зала, где было устроено несколько кресел поудобнее, и в одном из них сидел мужчина лет пятидесяти с наружностью человека, которому жизнь давалась тяжело, но давалась. — Вон там сидит один непрезентабельный бизнесмен. Ему важно было прийти сюда с красивой девушкой. Он пришёл.

— А почему ты с ним не сидишь?

— Пьянка в мои обязанности не входит. — Лёгкая пауза. — Я ведь красивая?

Артур посмотрел на неё. Задержал взгляд на линии плеч, на серых глазах с их внутренней насмешкой, на том, как она держит бокал.

— Вероятнее всего — да. — Он широко улыбнулся. — Я бы с удовольствием пригласил тебя на какой-нибудь свет-

ский раут.

— Не хватит денег. Я дорого стою.

— Значит, пойдёшь бесплатно. Я тоже дорого стою, а ты отняла у меня полтора часа жизни.

Ева посмотрела ему в глаза, внимательно. Ища иронию. Не нашла. Он говорил серьёзно.

— Завтра в восемь вечера в ресторане на Столешниковом будет концерт одной андерграундной группы. Встречаемся у Пушкина в семь. — Артур слегка склонил голову — прощальный жест, чуть церемонный, из другого времени, и направился к выходу.

Ева осталась стоять с бокалом в руке.

Немое оцепенение — это, пожалуй, точное описание.

Артур вышел на улицу. Сентябрь встретил его тёплым воздухом с запахом прелых листьев и чьей-то сигареты. Он достал собственную, закурил, пошёл вдоль фасада Винзавода в сторону набережной.

Где-то в глубине сознания — там, где обычно жил другой голос, более циничный и более точный, была тишина.

Полная.

Декен не мог вспомнить, когда в последний раз там было так тихо.

Он докурил. Бросил окурок. Посмотрел на воду.

Вечер, в общем-то, удался.

Глава 2. Часть 1. Утро

Утро воскресенья было тяжёлым.

Не катастрофически, просто тяжёлым, как бывает, когда позволяешь себе немного больше, чем нужно. После выставки Декен заглянул в свой любимый бар. Тот, где после восьми наливали двойную порцию и никто не смотрел на тебя с вопросом «и долго ты так?» — встретил там старых знакомых, напился, вспоминая прошлое и стараясь не заглядывать в будущее. Дома оказался в начале пятого. Такое «раннее» возвращение напоминало о себе поутру с недвусмысленной настойчивостью.

Голова болела ровно, без пиков. Тупая, фоновая боль, как помеха на радиоприёмнике. Декен лежал на спине, смотрел в потолок и ждал, пока тело решит, готово ли оно к вертикали. Потолок был белым, с едва заметной трещиной в углу, которую он давно собирался заделать и давно не заделывал. Трещина за это время стала привычной, почти уютной.

Встал. Дошёл до ванной.

Зеркало встретило его без лишних комментариев. Он пустил холодную воду, умылся, поднял взгляд.

Из зеркала на него смотрело лицо человека лет тридцати. Кто-то дал бы, чуть больше, кто-то чуть меньше, в зависимости от освещения и настроения смотрящего. Тёмные круги под глазами, лёгкая щетина, волосы не в том порядке, в ка-

ком их оставили вчера. Лицо как лицо. Он видел его каждое утро и давно перестал в нём что-то искать.

— Опять напился, — сказал голос в зеркале. — Как в...

— Не договаривай.

Пауза. Короткая, с характером.

— ...как обычно. Что ещё скажешь?

— Ничего.

— Вот именно.

Это был его второй голос. Тот, что жил в зеркалах, в тёмных углах сознания, в паузах между одной мыслью и следующей. Циничнее. Старше. Он появлялся тогда, когда хотел, и говорил то, что Декен и сам знал, но предпочитал не формулировать вслух и не слышать. Голосу на его желания было всё равно. Несмотря на это, они давно притёрлись друг к другу, не подружались, скорее выработали негласный устав. Что можно говорить, а что нет. Куда лезть, куда не стоит.

— На выставке была девушка, — сказал голос.

Не вопрос. Констатация.

— Была, — согласился Декен. Набрал в горсть ещё воды, плеснул в лицо.

— И?

— И ничего.

— Это не ответ.

— Это именно ответ. — Артур потянулся за полотенцем.

— Просто без подробностей.

— Ты пригласил её завтра на свидание.

— Сегодня. Уже сегодня. — Он посмотрел на часы, которые оставил на краю раковины. Половина одиннадцатого. — Вечером.

— Ты пригласил её сегодня вечером, — поправил голос без интонации. — Это тоже не ответ.

Декен промолчал. Повесил полотенце. Снова посмотрел в зеркало, в глаза своему отражению, туда, где отражение смотрело чуть более пристально, чем положено отражениям.

— Ты давно так не отвечал.

— Как — так?

— Уклончиво.

Пауза. На этот раз со стороны Декена.

— Значит, интересно, — сказал голос.

— Иди к чёрту.

— Уже был. Скучно.

Артур вышел из ванной. На кухне поставил чайник, достал чашку, нашёл в шкафу аспирин. Привычный утренний ритуал после таких ночей, отточенный до автоматизма. Две таблетки. стакан воды. Сесть, подождать. Не торопить.

За окном сентябрь был серым и спокойным. Без дождя, но с тем особым небом, которое обещает его к вечеру и, как правило, своё обещание держит. Несколько голубей на карнизе соседнего дома что-то выясняли между собой. Без спешки, флегматично, как люди, давно живущие в одной квартире и давно привыкшие к разногласиям.

Чайник закипел.

Декен заварил кофе. Сел с чашкой у окна. Смотрел на улицу.

Серые глаза. Насмешка внутри, не злая, скорее привычная, как у человека, который давно понял что-то про мир и теперь носит это знание легко. Бокал в руке так уверенно, будто она так родилась: с бокалом в руке.

Декен сделал глоток кофе.

Ева.

Имя было простым. Слишком простым и неуместным. Но она сказала «нет, не псевдоним, имя». И в том, как она это сказала, не было ни вызова, ни оправдания. Просто факт. Имя как имя.

Кофе остывал.

Этой ночью снилось что-то. Он вспомнил сейчас. Не сразу, как обычно вспоминаются сны: сначала ощущение, потом детали. Мастерская. Запах олифы и сухого дерева. Руки, занятые тонкой работой. Деревянный ящичек, инкрустация по крышке. За окном лошади, колёса по камню, запах угля снизу с улицы.

И женщина где-то рядом, за стеной. Не видел её, только знал, что она там. Это знание меняло воздух в мастерской.

Чужой сон. Откуда берутся он не знал. Иногда снилось именно так: не его жизнь, не его руки, не его город. Просто чья-то жизнь, приснившаяся без спроса и без объяснений.

Кофе остыл.

Декен вернулся на кухню, поставил чашку в раковину, по-

стоял секунду, держась за край. Потом выдохнул.

Зашёл в ванную. Долго смотрел на себя в зеркало. Сон ещё держался где-то на периферии. Запах олифы, ощущение чужих рук. Артур потряс головой, с осторожностью. Прошло.

Отражение молчало. Не из деликатности, просто нечего было добавить.

— Мастерская сегодня? — спросил наконец голос.

— Мастерская.

— А вечером?

— Посмотрим.

— «Посмотрим», — повторил голос, без интонации, но с какой-то своей внутренней кавычкой, которую Декен прекрасно слышал. — Давно ты так не говорил.

— Я сегодня много чего говорю впервые за долгое время.

— Я знаю. — Пауза. — Это и беспокоит.

— Тебя ничто не беспокоит. Ты не умеешь беспокоиться.

— Один из нас должен уметь, — сказала отражение. —

Умойся. Ты уже умывался, но если повторить, то поможет.

Декен не ответил. Открыл кран, снова плеснул холодной водой в лицо. Постоял, опершись на раковину, с водой, стекающей с подбородка. Помогло.

За окном ванной была стена соседнего дома. Кирпич, потемневший от времени. Труба. Серый кусок неба, обещающий дождь к вечеру.

К вечеру он встретится с Евой у Пушкина.

Или не встретится, потому что она не придёт. Потому что он был слишком неожиданным и слишком нахальным, потому что такие вещи не работают в реальной жизни, только в историях, которые рассказывают в барах. Или придёт, потому что серые глаза с насмешкой внутри принадлежали человеку, который принимает решения самостоятельно и которого трудно удивить дважды.

Декен взял полотенце.

— Не придёт, — сказал голос в зеркале. Не жестоко. Таким тоном говорят очевидные вещи.

— Пойду, — ответил Декен. — В мастерскую. До вечера. Голос не возражал.

Глава 2. Часть 2. Кресло

Мастерская находилась в подвале.

Не в том смысле, в каком подвалами называют сырые бетонные норы с трубами по потолку. Скорее полуподвал: окна под самым потолком, узкие, горизонтальные, через которые видно только ноги прохожих и нижние двадцать сантиметров города. Летом через эти окна шёл свет: косой, пыльный, живой. Сейчас, в сентябре, свет был другим: ровным, белёсым, без теней.

Он спустился по лестнице, щёлкнул выключателем. Лампы под потолком загудели, разогрелись, залили мастерскую тёплым жёлтым светом. Запах стружки и олифы — привычный, почти домашний. Декен снял пиджак, повесил на крюк у двери. Надел рабочий фартук. Огляделся.

Мастерская жила своей жизнью, пока его не было. Или казалось, что жила. Вещи в ней всегда располагались немного иначе, чем он их оставлял, хотя он точно знал, что никогда здесь не было. Рубанок чуть сдвинулся влево. Стопка наждачной бумаги перебралась с края верстака на середину. Мелочи. Декен давно перестал удивляться.

В центре мастерской стояло кресло.

Вернее, почти кресло. Каркас был готов: ножки, подлокотники, спинка. Всё подогнано, всё стянуто, всё проверено на перекося и на прочность. Сегодня предстояло шлифование

и финальная подгонка перед обивкой. Работа медитативная, не требующая решений, только внимания и времени. Именно такая работа, какая была нужна с похмелья.

Декен подвинул табурет, сел рядом с креслом. Взял наждачку. Начал.

Дерево под руками было тёплым. Красное, хорошее, без сучков, с правильной текстурой. Он купил его у человека, который понимал дерево так же, как сам Декен, понимал не как материал, а как характер. Каждая порода — свой характер, своя логика, свои капризы. Дуб упрямый и честный. Сосна — лёгкая, чуть ветреная, прощает ошибки, но помнит их. Красное дерево — аристократичное, без снисхождения к небрежности. С ним нужно было работать точно.

Рука шла по волокну ровно, без нажима. Вперёд, назад. Туда-обратно.

Это был его способ оставаться в настоящем. Пока руки заняты, время идёт нормально. Не быстро, не медленно. Просто нормально. Прошрое не лезло со своими флэшбеками, будущее не давило своей неопределённостью. Была мастерская, было кресло, была наждачка в руке и текстура дерева под пальцами.

Он работал молча минут сорок.

— Так что насчёт вечера?

Голос пришёл откуда-то из угла, где верстак уходил в тень. Декен не поднял головы.

— Я думаю, она не придёт.

— Ты это уже говорил.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты сказал «я думаю». Раньше говорил бы просто «не придёт». — Пауза. — Разница есть.

Декен остановил руку. Провёл ладонью по поверхности подлокотника — проверяя. Нашёл небольшую шероховатость у изгиба, взял наждачку помельче.

— Ты будешь там в семь, — сказал голос. Не вопрос.

— Буду.

— Почему?

Декен задумался.

— Потому что интересно, — сказал наконец.

— Интересно, — повторил голос. С той же интонацией, что утром — «уклончиво». Без осуждения, но и без одобрения. Будто записал в журнал.

— Тебе что-то не нравится?

— Я просто смотрю.

— Вот и смотри молча.

— Молчу.

Голос замолчал. Декен вернулся к работе.

Кресло было хорошим. Он это знал. Не из самодовольства, а потому что умел смотреть на собственную работу честно. Это кресло проживёт долго. Дольше, чем многое другое. Дольше, чем многие. Он всегда делал вещи так, чтобы они пережили его, хотя в последнее время эта формулировка звучала в голове с некоторой иронией.

«Ты делаешь вещи так, будто они должны пережить тебя.»

Это сказала ему одна женщина. Несколько лет назад. Она стояла в мастерской и долго смотрела на кресло-качалку, которое он только что закончил. Потом сказала это. Он улыбнулся тогда, а она не поняла почему.

Декен поймал себя на улыбке и сейчас. Убрал её, потому что некому было не понимать.

— Хватит, — сказал он себе вслух. Положил наждачку. Встал, потянулся. Спина хрустнула с облегчением. Обошёл кресло, осмотрел со всех сторон. Провёл рукой по спинке — гладко, ровно, без единой зацепки.

Готово.

Он снял фартук, повесил на крюк рядом с пиджаком. Убрал инструменты. Каждый на своё место, это правило было неизменным. Подмёл пыль и остатки стружки, вынес в бак в углу. Потушил лампы.

На лестнице остановился, оглянулся.

В полутьме кресло стояло в центре мастерской: спокойное, завершённое, с достоинством вещи, которая знает, что она хорошо сделана. Декен постоял секунду.

Потом поднялся наверх.

До метро было минут пятнадцать пешком. Он шёл не спеша, пиджак развевался на ходу, руки в карманах, маршрут привычный. Сентябрь на улице был лучше, чем смотрелся из окна. Не холодно ещё, но уже по-осеннему прохладно — воздух свежее, с запахом, с характером. Декен любил это время

года без особой причины. Просто любил, как любят что-то, с чем ты давно и без объяснений.

Город в воскресный день был другим. Неспешным. Люди шли без той муравьиной целеустремлённости будней. Просто шли, куда шли, с лицами людей, у которых сегодня нет расписания. Пара с коляской. Старик с газетой под мышкой. Две девушки с кофе, что-то горячо обсуждающие. Одна жестикулирует, вторая кивает с видом человека, который уже решил, что согласится, но хочет дослушать.

Декен смотрел на них без интереса, и с интересом одновременно. Это было его устройство: людей он замечал всегда, но замечал как пейзаж, как часть среды. Не вникал, не достраивал историй, просто фиксировал. Выражение лица, манера идти, то, как человек держит руки. Этого обычно хватало.

В метро было полно людей, как в воскресенье после полудня и бывает. Декен встал у дверей вагона, взялся за поручень. Напротив мужчина лет сорока пяти в куртке цвета хаки, читал что-то в телефоне, время от времени поднимал взгляд на табло с названиями станций, хотя явно знал маршрут наизусть. Слева женщина с сумкой, большой, набитой, с видом человека, который едет с рынка и доволен этим.

Декен смотрел на них.

Вот мужчина в хаки. Привычка смотреть на табло, которое не нужно. Это не забывчивость, это тревога. Что-то, от чего он едет сейчас куда-то. Или к чему-то. Или от кого-то.

Телефон он держит так, что экрана не видно случайным соседям. Осторожный.

Женщина с сумкой. Кольцо на безымянном нестарое, ещё не сильно затёртое. Сумка для неё это отдельный ритуал, не просто покупки, а что-то своё, личное. Едет домой. Дома её ждут. Она об этом знает и это её согревает.

Поезд качнулся на стрелке. Декен поправил хват на поручне.

Он умел смотреть долго. Не потому что учился, просто у него было много времени. Больше, чем у большинства. И за это время он понял: люди почти всегда несут на поверхности всё то, что считают спрятанным. Тревогу, нежность, одиночество, усталость от определённого человека или определённой ситуации. Думают, что скрывают. Не скрывают. Просто вокруг обычно некому смотреть внимательно.

Объявили его станцию.

Декен вышел, поднялся по эскалатору. На улице снова был сентябрь, тот же, что он оставил двадцать минут назад. Небо к вечеру потемнело, как и обещало. Дождь ещё не начался, но уже думал об этом всерьёз.

Четыре часа до семи.

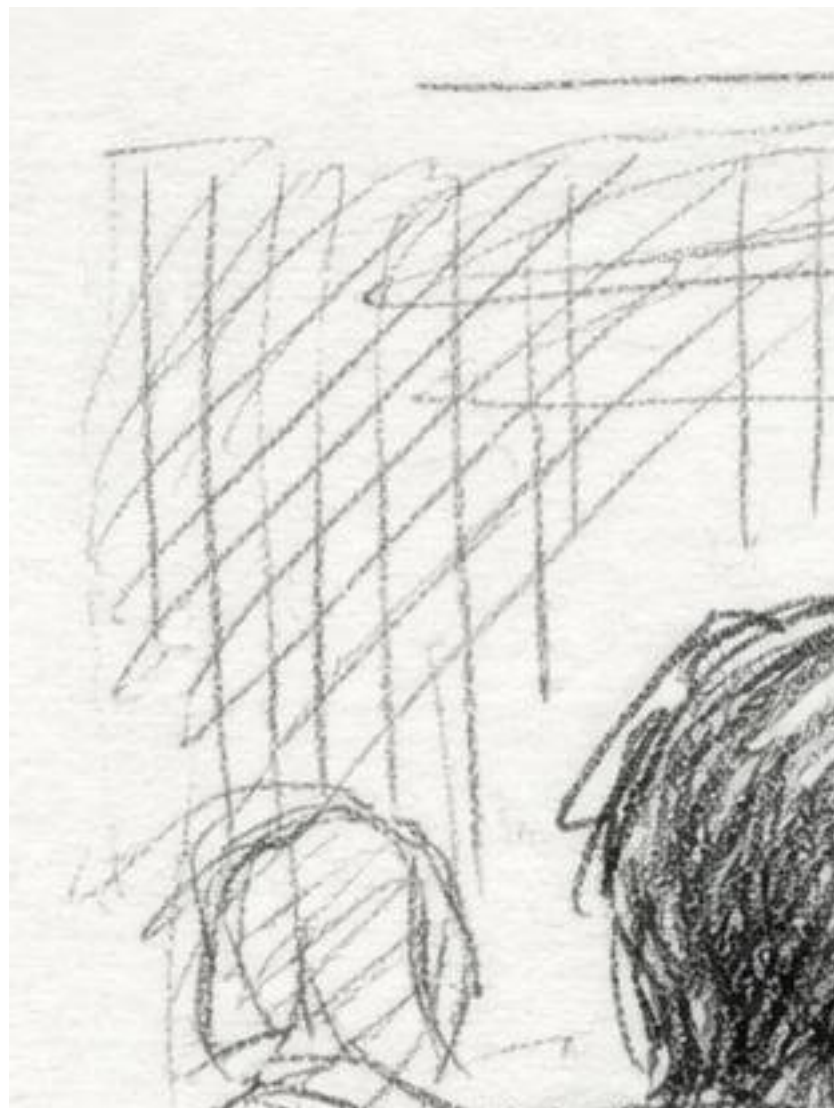
Он пройдётся. Зайдёт куда-нибудь поесть. С утра только кофе и аспирин, это было, конечно, программой-минимум, но не оптимальной. Потом домой переодеться. Потом Пушкин.

И там уже будет видно.

— Будет видно, — сказал голос тихо, где-то на периферии. — Ты так говоришь, когда уже решил.

Декен не ответил. Поднял воротник, первые капли всё-таки добрались до земли, и ускорил шаг.

Город вокруг зашумел дождём.

Глава 3. Часть 1. Концерт

Она пришла.

Декен увидел её издалека, ещё с угла, до того как площадь открылась полностью. Она стояла у постамента, чуть в стороне от основного потока людей, в светло-сером пальто, с сигаретой в руке. Смотрела куда-то вправо, не на него. Он несколько секунд просто шёл и смотрел, пока расстояние сокращалось, а она не заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.